

УДК 343.3

DOI: 10.19073/2658-7602-2026-23-2-204-220

EDN: AOGXVM

Оригинальная научная статья

Угроза общественной безопасности как правовая категория

Ю. В. Анохин

Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация

✉ anohin1963@rambler.ru

О. А. Колоткина

Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Российская Федерация

✉ oks-kolotkina@yandex.ru

И. Д. Ягофарова

Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Российская Федерация

✉ vaina3@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуется проблема теоретико-правового конструирования категории «угроза общественной безопасности» в контексте действующего законодательства. Угроза общественной безопасности не может быть понята сама по себе, она представляет собой институциональный синтез (органическое единство) трех фундаментальных категорий: вызова (как сигнальной формы), опасности (как объективной основы) и риска (как поведенческо-вероятностного фактора) – и только в этом синтетическом единстве она обретает свою полноценную правовую природу, позволяющую эффективно управлять общественной безопасностью в системе стратегического планирования. Обосновывается, что существующие законодательные акты и документы стратегического планирования – Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности», действующая Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, де-факто утратившая силу Концепция общественной безопасности в Российской Федерации – не предлагают четкой системы разграничения понятий «вызов», «опасность», «риск» и «угроза», что приводит к их неоправданному смещению в правоприменительной практике и документах стратегического планирования. Цель работы – разработка интегративной модели угрозы общественной безопасности, рассматривающей ее в динамической взаимосвязи с понятиями «вызов», «опасность» и «риск» как стадии единого деструктивного процесса, для последующего законодательного закрепления. Методологическую основу исследования составил междисциплинарный подход, интегрирующий системный анализ (позволивший рассматривать угрозу в иерархии смежных понятий), теоретико-правовой анализ нормативных источников, а также элементы теории риска, что дало возможность проследить трансформацию количественных параметров риска и качественных характеристик вызовов в правовую реальность угрозы, фиксируемую в законодательстве и документах стратегического планирования. Особое внимание уделяется анализу эволюции понятийного аппарата от утратившей силу Концепции общественной безопасности в Российской Федерации 2013 г. к действующим документам стратегического планирования. На основе полученных выводов предложена четырехзвенная стадийная модель «вызов – опасность – риск – угроза», раскрывающая логику эскалации деструктивных процессов в сфере общественной безопасности. Для каждой стадии сформулированы авторские определения и описаны соответствующие мероприятия (мониторинг, планирование превентивных мер, расчет ресурсов, введение специальных режимов). Теоретическая значимость исследования заключается в институциональном синтезе ранее разрозненных понятий в единую теоретико-правовую конструкцию. Практическая значимость состоит в возможности использования предложенной модели при разработке нового документа стратегического планирования в сфере общественной безопасности, что обеспечит преемственность с предшествующими документами, правовую определенность для правоприменителей.

© Анохин Ю. В., Колоткина О. А., Ягофарова И. Д., 2026

Ключевые слова: вызов общественной безопасности; опасность в сфере общественной безопасности; риск в сфере общественной безопасности; угроза общественной безопасности; общественная безопасность; национальная безопасность; институциональный синтез; стратегическое планирование

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Анохин Ю. В., Колоткина О. А., Ягофарова И. Д. Угроза общественной безопасности как правовая категория // Сибирское юридическое обозрение. 2026. Т. 23, № 2. С. 204–220. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2026-23-2-204-220>. EDN: <https://elibrary.ru/aogxvm>

Original scientific article

Threat to Public Security as a Legal Category

Yu. V. Anokhin

Altai State University, Barnaul, Russian Federation

✉ anohin1963@rambler.ru

O. A. Kolotkina

Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russian Federation

✉ oks-kolotkina@yandex.ru

I. D. Yagofarova

Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russian Federation

✉ vaina3@yandex.ru

Abstract. This article examines the theoretical and legal construction of the category of a “threat to public security” in the context of current legislation. A threat to public security cannot be understood in isolation: it constitutes an institutional synthesis, or organic unity, of three fundamental categories — challenge, as a signaling form; danger, as an objective basis; and risk, as a behavioral and probabilistic factor. Only within this synthetic unity does it acquire its full legal nature, enabling the effective management of public security within the strategic planning system. The article substantiates the argument that existing legislative acts and strategic planning documents — Federal Law No. 390-FZ of 28 December 2010 “On Security,” the current National Security Strategy of the Russian Federation, and the Concept of Public Security in the Russian Federation, which has de facto ceased to have effect — do not provide a clear system for distinguishing between the concepts of “challenge,” “danger,” “risk,” and “threat.” This leads to their unjustified conflation in law-enforcement practice and strategic planning documents. The aim of the study is to develop an integrative model of a threat to public security by examining it in dynamic interrelation with the concepts of “challenge,” “danger,” and “risk” as stages of a single destructive process, with a view to its subsequent legislative enshrinement. The methodological basis of the study is an interdisciplinary approach that integrates systems analysis, which makes it possible to consider a threat within the hierarchy of related concepts; theoretical and legal analysis of normative sources; and elements of risk theory. This approach makes it possible to trace the transformation of quantitative risk parameters and qualitative characteristics of challenges into the legal reality of a threat, as recorded in legislation and strategic planning documents. Particular attention is paid to the evolution of the conceptual apparatus from the 2013 Concept of Public Security in the Russian Federation, which has ceased to have effect, to current strategic planning documents. On the basis of the findings obtained, the Authors propose a four-stage model — “challenge – danger – risk – threat” — which reveals the logic of escalation of destructive processes in the sphere of public security. For each stage, the Authors formulate definitions and describe the corresponding measures: monitoring, planning of preventive measures, calculation of resources, and introduction of special regimes. The theoretical significance of the study lies in the institutional synthesis of previously fragmented concepts into a unified theoretical and legal construct. Its practical significance consists in the possibility of using the proposed model in the development of a new strategic planning document in the field of public security, thereby ensuring continuity with earlier documents and legal certainty for law-enforcement authorities.

Keywords: public-security challenge; danger in the sphere of public security; risk in the sphere of public security; threat to public security; public security; national security; institutional synthesis; strategic planning

Conflict of interest. The Authors declare no conflict of interest.

For citation: Anokhin Yu. V., Kolotkina O. A., Yagofarova I. D. Threat to Public Security as a Legal Category. *Siberian Law Review*. 2026;23(2):204-220. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2026-23-2-204-220>. EDN: <https://elibrary.ru/aogxvm> (In Russ.)

СОДЕРЖАНИЕ

I. Введение	206
II. Категория «угроза безопасности» в Федеральном законе «О безопасности»	208
III. Категория «угроза национальной безопасности» в действующей Стратегии национальной безопасности РФ	209
IV. Институциональный синтез понятий «вызов», «опасность», «риск» в контексте определения содержания правовой категории «угроза общественной безопасности»	213
V. Заключение	216
Список литературы	218

I. ВВЕДЕНИЕ

Современный этап развития российского общества и государства характеризуется качественным усложнением системы угроз национальной безопасности, что закономерно актуализирует теоретико-правовые исследования понятийного аппарата в сфере безопасности. Категория «угроза общественной безопасности», несмотря на отсутствие ее легальной дефиниции, занимает центральное место в механизме правового регулирования охранительных отношений. Однако ее содержание до настоящего времени остается дискуссионным как в доктрине, так и в законодательстве. Это обусловлено различными причинами, среди которых, прежде всего, можно назвать фактическое окончание срока действия в 2020 г. Концепции общественной безопасности в Российской Федерации¹, без ее дальнейшей пролонгации или принятия нового документа стратегического планирования в этой сфере, где категория «угроза общественной безопасности» была бы включена в перечень основных легальных понятий.

Усугубляет ситуацию с неоднозначным определением содержания категории «угроза общественной безопасности» и тот факт, что на доктринальном уровне не все исследователи рассматривают ее через взаимосвязь с понятиями «риск», «опасность» и «вызов». При этом становится очевидным, что в условиях стратегического планирования учет взаимосвязи перечисленных понятий является крайне необходимым, так как позволяет увидеть угрозу общественной безопасности в динамике через анализ стадий ее зарождения и развития. Таким образом, институциональный синтез указанных понятий позволит выстроить четкую иерархию этих явлений – «опасность», «вызов», «риск», «угроза» – в стратегическом планировании, устранить терминологическую неопределенность и создать своеобразную матрицу приоритетов и конкретных действий по предотвращению ущерба на различных уровнях с соблюдением принципа *приоритета предупредительных мер в целях обеспечения безопасности* (п. 4 ст. 2 Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности»)² (далее – ФЗ

¹ См.: Концепция общественной безопасности в Российской Федерации : утв. Президентом Рос. Федерации 14 нояб. 2013 г. № Пр-2685. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». (Документ де-факто утратил силу.)

² Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

«О безопасности»)): фундаментальный (опасность), сигнальный (вызов), управленческий (риск), непосредственный (угроза).

Такой подход преодолевает фрагментарность существующих теоретических моделей и позволяет концептуализировать угрозу не как статичное состояние, а как динамический процесс трансформации социальных и техногенных процессов. Предложенное исследование категории «угроза общественной безопасности» основано на разработке новой интегративной модели, в рамках которой угроза общественной безопасности представлена не в качестве простой суммы негативных факторов, а как результат сложного институционального синтеза объективных вызовов, вероятностных рисков и латентных опасностей в едином контексте стратегического планирования Российской Федерации. Институциональный синтез позволяет перейти от простого перечисления угроз (*характерного для многих документов стратегического планирования*) к пониманию механизма их институционализации, то есть закрепления в практике работы государственных органов.

В современной научной литературе фиксируется устойчивый плюрализм в определении категорий «опасность», «вызов», «риск» и «угроза», а также в установлении их диалектической взаимосвязи. Это объясняется тем, что данные явления изучаются на стыке различных научных отраслей знаний – философии, социологии, теории национальной безопасности, юриспруденции и т. д. В рамках философско-социологического подхода в зарубежной научной мысли были разработаны основы теории риска в работах У. Бека [1], Э. Гидденса [2], Н. Лумана [3]. Данные работы сыграли ключевую роль в разграничении понятий «риск» и «опасность», а также осознании идеи того,

что риск в современном обществе является объективно существующим явлением, характерным для функционирования сложных систем.

В рамках теории национальной безопасности можно выделить работы профессора А. А. Прохожева³, профессора А. В. Возженикова, И. Н. Германа [4], Д. В. Ирошникова [5], А. А. Кравчука [6] и иных представителей данной научной школы, в основе которой лежит системный подход к анализу угроз национальной безопасности, в рамках которого понятия «опасность», «вызов», «риск» и «угроза» рассматриваются как иерархические ступени единого процесса, отражающие различную степень конкретизации и непосредственности потенциального ущерба национальным интересам Российской Федерации.

Значительный вклад в разработку содержания категории «угроза общественной безопасности» внесли труды ученых, проводящих исследования в области административной деятельности полиции и административной юрисдикции. В частности, в работах профессора С. И. Гирько [7], В. М. Шеншина [8] и др. уделяется внимание анализу содержания понятия «угроза общественной безопасности», проведению классификации данного вида угроз.

Проведенный анализ степени научной разработанности проблемы позволяет констатировать, что, несмотря на наличие значительного числа фундаментальных исследований, посвященных категориям «опасность», «вызов», «риск» и «угроза» в философском, социологическом и общетеоретическом контексте, а также трудов по административно-правовому обеспечению безопасности, сохраняется существенный пробел в научном знании. До настоящего времени отсутствует комплексное, институционально завершенное

³ См.: Прохожев А. А. Национальная безопасность: теория, сущность, проблемы : лекция. М. : Изд-во РАГС, 2005. 25 с.

исследование угрозы общественной безопасности именно как правовой категории, органично интегрирующей философско-социологическое понимание риска, теоретико-правовое содержание опасности и вызова, а также их нормативное воплощение в документах стратегического планирования в сфере обеспечения как национальной, так и общественной безопасности.

Существующие работы, как правило, ограничиваются либо отраслевой классификацией угроз, либо общетеоретическим анализом понятийного аппарата вне привязки к конкретному объекту – общественной безопасности. Это порождает проблему правовой неопределенности: законодатель использует термины «угроза», «опасность», «вызов» в стратегических документах, зачастую не раскрывая их соотношения и механизма перерастания одного явления в другое. Отсутствие институционального синтеза данных понятий препятствует формированию единой непротиворечивой системы правового регулирования в сфере стратегического планирования и противодействия угрозам общественной безопасности.

Таким образом, цель настоящего исследования заключается в разработке институциональной (синтетической) модели угрозы общественной безопасности, интегрирующей понятия риска, опасности и вызова в единую теоретико-правовую конструкцию, ориентированную на законодательное закрепление и использование в правоприменительной практике.

II. КАТЕГОРИЯ «УГРОЗА БЕЗОПАСНОСТИ» В ФЕДЕРАЛЬНОМ ЗАКОНЕ «О БЕЗОПАСНОСТИ»

Ключевой особенностью действующего в настоящее время ФЗ «О безопасности» является то, что он не содержит

определений понятия «угроза безопасности» и иных правовых категорий, используемых в законе. Это принципиально отличает его от ранее действующего Закона Российской Федерации от 5 марта 1992 г. № 2446-I «О безопасности»⁴ (далее – Закон РФ – 1992), где в ст. 3 содержалось легальное определение угрозы безопасности как «совокупности условий и факторов, создающих опасность жизненно важным интересам личности, общества и государства». В российской правовой системе сложилась практика, согласно которой концептуальные основы и понятийный аппарат часто закрепляются в документах стратегического планирования – доктринах, стратегиях, концепциях. В настоящее время именно действующая Стратегия национальной безопасности Российской Федерации⁵ (далее – Стратегия-2021) является основой для разработки всех остальных документов стратегического планирования и формирования унифицированного понятийного аппарата национальной безопасности и отдельных ее приоритетов обеспечения.

Такой подход законодателя вполне оправдан, так как особенностью любого закона является его стабильность и статичность, в отличие, к примеру, от документов стратегического планирования, которые могут наиболее гибко и политически ответственно определять категориальный аппарат, делая его инструментом государственного управления, а не застывшей догмой. Таким образом, документы стратегического планирования предназначены в большей степени для фиксации ценностей, интересов и приоритетов, в том числе в сфере обеспечения национальной безопасности. Определение того, что такое «угроза национальной безопасности» или «угроза общественной безопасности», – это

⁴ Доступ из СПС «КонсультантПлюс». (Документ утратил силу.)

⁵ См.: *О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации* : Указ Президента Рос. Федерации от 2 июля 2021 г. № 400. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

как раз вопрос очерчивания в определенном историческом периоде национальных приоритетов, а не административной процедуры.

Несмотря на отсутствие прямой дефиниции понятия «угроза безопасности» ФЗ «О безопасности» позволяет реконструировать понимание угрозы через анализ ст. 3, устанавливающей содержание деятельности по обеспечению безопасности. Согласно п. 1 ст. 3 ФЗ «О безопасности» указанная деятельность включает «прогнозирование, выявление, анализ и оценку угроз безопасности».

Из данной нормы можно вывести следующие характеристики *угрозы как правовой категории*:

1) *объективность*: угроза существует объективно и подлежит выявлению (п. 1 ст. 3 ФЗ «О безопасности» – выявление);

2) *познаваемость*: угроза может быть проанализирована и оценена (п. 1 ст. 3 ФЗ «О безопасности» – анализ и оценка);

3) *прогнозируемость*: возможное предвидение возникновения и (или) развития угроз (п. 1 ст. 3 ФЗ «О безопасности» – прогнозирование);

4) *управляемость*: возможность воздействия на угрозу мерами реагирования (п. 4 ст. 3 ФЗ «О безопасности» – меры по устранению).

В этих характеристиках просматриваются признаки таких понятий, как «опасность», «вызов» и «риск», текстуальное выражение которых отсутствует в нормах действующего Федерального закона.

Проследим данную логическую взаимосвязь более подробно. Характеристика «*объективность*» и предписанная законом обязанность по выявлению угроз указывают на то, что законодатель рассматривает угрозу не как иллюзию, а как проявление реально существующих деструктивных сил. Это коррелирует с пониманием опасности в качестве объективно существующего явления. Сама возможность выявления предполагает, что угроза

трансформировалась из абстрактной опасности в нечто фиксируемое.

Познаваемость (анализ и оценка) – это первый шаг к превращению неопределенного сигнала в конкретную проблему. Анализ угрозы – это процесс распознавания вызова, скрытого в ней. Требования ФЗ «О безопасности» анализировать такие неявные угрозы содержит в себе признание того, что они несут в себе *вызовы* для системы безопасности, которые необходимо расшифровать и понять. Невозможно прогнозировать угрозу, не используя понятие риска. *Прогнозирование* развития угрозы – это, по сути, *оценка риска*: с какой вероятностью угроза реализуется, каковы динамика этой вероятности и возможный масштаб последствий. Характеристика «прогнозируемость» напрямую переводит рассмотрение угрозы в плоскость управления рисками.

Таким образом, отсутствие в тексте ФЗ «О безопасности» прямых указаний на понятия «опасность», «вызов» и «риск» не означает, что эти категории игнорируются правовым регулированием. Законодатель, описывая процедуры работы с угрозой (выявление, анализ, прогноз, устранение), имплицитно заложил в них все ключевые элементы этих смежных понятий. Все обозначенные характеристики угрозы (объективность, познаваемость, прогнозируемость, управляемость) образуют логический мост, соединяющий единую правовую категорию «угроза» с доктринальными категориями «опасность», «вызов» и «риск», подтверждая их неразрывную связь в механизме правового регулирования безопасности.

III. КАТЕГОРИЯ «УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ» В ДЕЙСТВУЮЩЕЙ СТРАТЕГИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РФ

Стратегия-2021 представляет собой базовый документ стратегического планирования в сфере обеспечения национальной

безопасности, что следует из ст. 2 Стратегии. По справедливому замечанию профессора Д. А. Афиногенова и В. П. Назарова, такая формулировка указывает на особое положение данного документа в архитектуре документов стратегического планирования и определяет его место в центре стратегического целеполагания [9, с. 35]. Другими словами, данный документ имеет высшую юридическую силу в системе документов, определяющих политику в сфере национальной безопасности и отдельных стратегических национальных приоритетов ее обеспечения. Именно Стратегия-2021, как было отмечено ранее, является тем документом стратегического планирования, который должен способствовать выстраиванию строгой унифицированной системы правовых категорий в сфере обеспечения национальной безопасности и на который должны ориентироваться все иные документы, действующие в данной сфере.

В отличие от ФЗ «О безопасности», где используется обобщенная формулировка понятия «угроза безопасности» (без привязки к конкретному перечню), Стратегия-2021 конкретизирует положение закона применительно к текущему историческому этапу и вводит в перечень основных понятий, используемых в документе, категорию «угроза национальной безопасности», привязывая ее к конкретному объекту защиты – национальным интересам Российской Федерации.

Для целей настоящего исследования принципиальное значение имеет анализ того, как в Стратегии-2021 употребляются ключевые категории «угроза», «опасность», «вызов» и «риск», а также каково их соотношение между собой. Это позволяет выявить сложившийся в официальном дискурсе подход к понятийному аппарату и определить направления его институционального синтеза. В пункте 5 Стратегии-2021 воспроизводится определение угрозы национальной безопасно-

сти, которое впервые было сформулировано еще в Законе РФ – 1992, с небольшой корректировкой в части объекта причинения ущерба. В Законе РФ – 1992 в качестве объекта причинения ущерба были обозначены *жизненно важные интересы личности, общества и государства* (ст. 3), а в действующей Стратегии-2021 в качестве объекта названы *национальные интересы Российской Федерации*. Стратегия-2021 демонстрирует институциональную преемственность в определении угрозы, сохраняя формулировку, восходящую к Закону РФ – 1992. Это свидетельствует о консервативности понятийного аппарата в документах стратегического планирования, несмотря на значительное развитие доктринальных представлений о природе угрозы национальной безопасности.

Термин «угроза» в тексте Стратегии-2021 упоминается 26 раз и используется в нескольких ключевых значениях:

1) как системообразующая правовая категория, закрепленная в качестве основы (п. 5 Стратегии-2021), используемая в качестве содержательного ориентира для всех документов стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности и ее отдельных национальных приоритетов. Под *угрозой национальной безопасности* понимается совокупность условий и факторов (как явных, так и латентных), создающих потенциальную возможность причинения ущерба охраняемым законом интересам, ценностям или субъектам правоотношений;

2) как родовое понятие для обозначения дестабилизирующих факторов. Так, в п. 84 Стратегии-2021 делается акцент на том, что с достижением высокого уровня социально-экономического и технологического развития человечество столкнулось с *угрозой утраты* традиционных ценностей и ориентиров;

3) в соответствии с определенными в Стратегии-2021 национальными

приоритетами угрозы подразделяются на конкретные виды – изменение характера современных войн, терроризм, экстремизм, коррупция, разведывательная деятельность специальных служб иностранных государств, кибератаки, высокий уровень инфляции и др.

Понятие «*опасность*» и его производные встречаются в Стратегии-2021 девять раз (пп. 12, 17, 79, 83 (подп. 12 и 14), 101 (несколько раз в подп. 28)). Например, п. 12 Стратегии-2021 изложен следующим образом: «...Последовательная реализация военной политики обеспечивает защищенность Российской Федерации от *военных опасностей и военных угроз*» (курсив наш. – Ю. А., О. К., И. Я.). В свою очередь, использование парной связки «*опасности и угрозы*» в тексте Стратегии-2021 указывает на то, что это близкие, но не тождественные понятия. Исходя из контекста, понятие «опасность» используется как более широкая категория (например, «военные опасности» в п. 12 Стратегии-2021), а также для описания фоновых состояний или природных явлений (опасные природные явления, опасные инфекционные заболевания в пп. 78, 83, 101 Стратегии-2021), которые могут перерасти в конкретные угрозы. Опасность существует как потенциальная возможность причинения вреда. Когда эта возможность конкретизируется, приобретает адресный характер и создает условия для нанесения ущерба национальным интересам, она квалифицируется как угроза. Из этого следует, что опасность – это более широкая сфера (потенциальная возможность), а угроза – более конкретное и актуальное состояние. Необходимо отметить, что Военная доктрина Российской Федерации является фактически единственным документом, в котором поня-

тия «военная опасность» (подп. «б» п. 8) и «военная угроза» (подп. «в» п. 8) определены в качестве самостоятельных легальных терминов⁶. Анализ данных понятий в Военной доктрине РФ позволяет прийти к выводу о том, что военная опасность отражает потенциальную возможность возникновения угрозы под воздействием различных факторов, тогда как военная угроза означает уже реально существующую и высокую готовность к применению военной силы. В то же время в п. 15 Основ государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания приведен перечень потенциальных военных опасностей, которые, в зависимости от изменения военно-политической и стратегической обстановки, могут перерасти в военные угрозы (крупномасштабные военные учения противника вблизи границ, создание новых или расширение существующих военных блоков, приводящих к приближению их военной инфраструктуры к государственным границам, и т. д.)⁷.

Аналогичное понимание сущности термина «опасность» и установление взаимосвязи с категорией «угроза» мы наблюдаем и на доктринальном уровне. Так, по мнению профессора И. Б. Кардашовой, *опасность* содержит только намерение причинения ущерба национальным интересам, а угроза выступает в качестве высшей степени опасности [10; 11]. Схожая позиция изложена исследователем Д. В. Ирошниковым, который отмечает, что опасность существует всегда, при этом, не имея адресного характера, обладает свойством потенциальной угрозы нескольким объектам одновременно, выступая своеобразным триггером этой угрозы [5, с. 101]. Таким образом, *опасность* представляет собой потенциальную,

⁶ См.: Военная доктрина Российской Федерации : утв. Президентом Рос. Федерации от 25 дек. 2014 г. № Пр-2976. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁷ См.: Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания : Указ Президента Рос. Федерации от 19 нояб. 2024 г. № 991. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

но еще не обязательно реализованную возможность причинения ущерба, не имеющую адресного характера.

Термин «вызов» употребляется лишь в трех пунктах Стратегии-2021 (пп. 23, 33, 67) в контексте определенных негативных тенденций. Он употребляется как явление, предшествующее угрозе, что следует из формулировки, используемой в указанных пунктах Стратегии-2021, – «вызовы и угрозы». Например, согласно п. 23 Стратегии-2021, «Формирование новой архитектуры, правил и принципов мироустройства сопровождается для Российской Федерации появлением не только новых вызовов и угроз, но и дополнительных возможностей» (курсив наш. – Ю. А., О. К., И. Я.). Идентичная конструкция «вызовы и угрозы» используется и в Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года⁸ (пп. 2, 3, подп. 7 п. 7, пп. 9, 11 и т. д.). Иной подход прослеживается в тексте Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации⁹ (далее – Стратегия НТР), где используется достаточно новый термин для стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности – «большие вызовы». Последнее понятие трактуется в Стратегии НТР как «объективно требующая реакции со стороны государства совокупность проблем, угроз и возможностей, сложность и масштаб которых таковы, что они не могут быть решены, устранены или реализованы исключительно за счет увеличения объема используемых ресурсов». В таком текстуальном выражении большие вызовы трактуются через понятие угрозы, и фактически оба этих термина используются в качестве взаимозаменяемых категорий, что, на наш взгляд, является неверным.

В то же время в Стратегии НТР четко обозначена иная важная характеристика больших вызовов – «объективно требующая реакции со стороны государства». Другими словами, категория «вызов» выполняет ту самую важную сигнальную функцию, реализация которой позволяет предвидеть угрозы и использовать время для принятия профилактических мер (мер реагирования) в целях недопущения их трансформации в угрозы.

На доктринальном уровне исследователи в большинстве своем единодушны в ключевых характеристиках категории «вызов», которая трактуется как совокупность обстоятельств, порождающих новые проблемы и требующих реакции, анализа и осмысления [12; 13]. Обращается внимание и на взаимосвязь вызовов и угроз в системе национальной безопасности. Так, по справедливому замечанию И. А. Сушковой, вызов представляет собой начальную стадию формирования угрозы и требует своевременной реакции на определенные явления и процессы для обеспечения безопасности, предотвращения угроз [14, с. 12]. Таким образом, *вызовы* – это новые обстоятельства или тенденции, которые при определенных условиях могут перерасти в угрозы, а также создают условия для их возникновения.

Термин «риск» используется в Стратегии-2021 в тесной взаимосвязи с категорией «угроза», выступает в качестве критерия, позволяющего определить момент, когда потенциальная опасность перерастает в конкретную угрозу, требующую реагирования. Без категории риска невозможно обосновать, почему то или иное явление начинает рассматриваться как угроза. В Стратегии-2021 риск понимается как мера возможности (вероятность) реализации угрозы, а также как фактор,

⁸ См.: О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года : Указ Президента Рос. Федерации от 13 мая 2017 г. № 208. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁹ См.: О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации : Указ Президента Рос. Федерации от 28 февр. 2024 г. № 145. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

требующий учета при планировании. Риски тесно связаны с процессом мониторинга и принятием управленческих решений в целях предотвращения угроз. Так, в подп. 8 п. 33 Стратегии-2021 среди задач, требующих решения в сфере сбережения народа России, обозначена задача развития системы *мониторинга биологических рисков* для предупреждения биологических угроз и реагирования на них. Основоположник социологического конструктивизма в теории риска Н. Луман отмечал, что риск, в отличие от опасности, возникает, когда ущерб рассматривается как следствие собственного решения. Если бы решение было принято иначе, ущерба можно было бы избежать [3]. По верному замечанию Д. В. Ирошникова, в риске объединяются «степень вероятности ущерба» и «поведение (деятельность)» [5, с. 102], что соотносится с положениями Стратегии-2021. Другими словами, без поведенческого решения конкретного субъекта (субъектов) риск причинения ущерба отсутствует. Риск как правовая категория имеет двойственную природу: с одной стороны, это объективно существующая вероятность наступления неблагоприятных последствий, с другой – субъективная оценка такой вероятности, влияющая на принятие решений. Именно эта двойственность позволяет рассматривать риск как связующее звено между объективно существующей опасностью и субъективно воспринимаемой угрозой [15]. Следовательно, *риск* – это поведенческий фактор (действие или бездействие субъекта), выступающий условием, повышающим степень вероятности трансформации потенциальной опасности в актуальную угрозу с целью причинения ущерба национальным интересам.

Таким образом, термины «угроза», «вызов», «опасность» и «риск» используются в тексте Стратегии-2021 неоднократно и в различных контекстах, однако

определение этих понятий, за исключением понятия «угроза», не дается, что затрудняет их четкое разграничение, а также установление взаимосвязи между ними в части возникновения и трансформации в новые состояния.

IV. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ СИНТЕЗ ПОНЯТИЙ «ВЫЗОВ», «ОПАСНОСТЬ», «РИСК» В КОНТЕКСТЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СОДЕРЖАНИЯ ПРАВОВОЙ КАТЕГОРИИ «УГРОЗА ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ»

Концепция общественной безопасности в Российской Федерации (далее – КОБ), утвержденная Президентом РФ 14 ноября 2013 г., представляла собой специализированный документ стратегического планирования, конкретизирующий положения действовавшей на тот момент Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года¹⁰. Ее ключевая особенность заключалась в выделении общественной безопасности в относительно самостоятельный сегмент национальной безопасности.

Отсутствие пролонгации КОБ создает нормативный вакуум, в том числе в части категориального аппарата. По верному замечанию профессора С. И. Гирько, в КОБ были впервые закреплены легальные определения понятий, обсуждаемые на доктринальном уровне, – «общественная безопасность», «угроза общественной безопасности» и др. Ни одно из закрепленных в КОБ легальных определений в настоящее время не воспроизведено ни в Стратегии-2021, ни в иных документах стратегического планирования [16, с. 36].

При этом складывается парадоксальная ситуация, при которой большая часть научного сообщества продолжает ориентироваться на положения де-факто утратившей силу КОБ, так как она представляла собой систему научно обоснованных

¹⁰ См.: *О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года* : Указ Президента Рос. Федерации от 12 мая 2009 г. № 537. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». (Документ утратил силу.)

взглядов на обеспечение общественной безопасности, в значительной мере сохраняющих актуальность и сегодня. Таким образом, с принятием Стратегии-2021 произошла определенная унификация понятийного аппарата: центральная категория «общественная безопасность» была интегрирована в общую систему национальной безопасности, что привело к утрате КОБ самостоятельного значения. В таких условиях актуализируется вопрос об институализации общественной безопасности посредством придания ей правовой и нормативной форм [16, с. 34]. В научном сообществе справедливо поднимается вопрос о необходимости разработки законодательного акта¹¹, закрепляющего основные правовые положения общественной безопасности как правового института и регулирующего основные государственные подходы [17]. В то же время, на наш взгляд, наряду с таким законодательным актом должен быть разработан и принят новый документ стратегического планирования в сфере обеспечения общественной безопасности¹².

Однако внедрение новой модели невозможно без критического осмысления понятийного аппарата предшествующих документов. Как показал анализ де-факто утратившей силу КОБ, понятия «угроза общественной безопасности», «вызовы», «опасности» и «риски» использовались с разной степенью интенсивности, что отражает определенную иерархию между ними и логику взаимодополняемости.

В соответствии с подп. «а» п. 6 КОБ «угроза общественной безопасности» определялась как «прямая или косвенная возможность нанесения ущерба правам

и свободам человека и гражданина, материальным и духовным ценностям общества». Обращает на себя внимание тот факт, что данная дефиниция практически дословно воспроизводила общее определение угрозы национальной безопасности, существовавшее в тот период, но с важным уточнением объекта посягательства: объектами выступали не абстрактные «национальные интересы государства», а конкретные ценности общества и права личности. Угроза общественной безопасности выступает в качестве интегральной категории, обозначающей момент, когда опасность, вызов и риск уже идентифицированы. В КОБ большое внимание было уделено перечислению основных источников угроз общественной безопасности: неблагоприятная криминогенная обстановка (п. 8), угроза терроризма (п. 9), экстремистская деятельность (п. 11), незаконная миграция (п. 17) и др.

Термин «вызов» в тексте КОБ напрямую не используется. В отличие от Стратегии-2021, где категория «вызов» является отдельной (обычно предшествующей угрозе), КОБ использует иные понятия, схожие по своей природе с вызовами: «факторы» (п. 15), «тенденции» (п. 17) и «причины и условия» (пп. 17, 28).

Термин «опасность» используется в КОБ для описания объективных свойств объектов, явлений или состояний, которые сами по себе еще не являются актом посягательства, но уже создают негативный фон, например, «потенциально опасные объекты инфраструктуры» (подп. «а» п. 5), «опасные производственные объекты» (п. 19), «опасные природные явления» (п. 24). Таким образом, опасность

¹¹ Обсуждается вопрос о разработке проекта Федерального закона «Об обеспечении общественной безопасности».

¹² См., напр.: Колоткина О. А. Значение унификации понятийно-категориального аппарата национальной безопасности в контексте уточнения содержания категории «общественная безопасность» // Наука. Общество. Государство. 2025. Т. 13, № 3 (51). С. 49–58. DOI: <https://doi.org/10.21685/2307-9525-2025-13-3-6>; Ягофарова И. Д. Уточнение понятийно-категориального аппарата национально-государственной идентичности в контексте исследования вопросов обеспечения общественной безопасности // Наука. Общество. Государство. 2025. Т. 13, № 3 (51). С. 82–92. DOI: <https://doi.org/10.21685/2307-9525-2025-13-3-9>

первична по отношению к угрозе, так как она создает предпосылки для угрозы.

Понятие «*риск*» используется в КОБ преимущественно в двух контекстах, связывая вероятность и последствия:

– *количественная мера угрозы*: в п. 21 говорится о «снижении основных показателей риска пожаров», в п. 18 – о «повышении риска возникновения чрезвычайных ситуаций», в п. 22 – о «серьезных рисках наводнений». В данном случае риск – это математическое или статистическое выражение вероятности того, что угроза/опасность реализуется с определенными последствиями;

– *объект управления*: КОБ прямо указывает на необходимость управления рисками, например, «совершенствование профилактических мер по снижению риска террористических актов» (подп. «ж» п. 26), «существуют серьезные риски причинения вреда» (п. 20). Таким образом, риск выступает в качестве связующего звена между констатацией угрозы и принятием решения. Если угроза выражает возможность ущерба, то риск уточняет конкретные вероятность и последствия. Это позволяет перейти от политических деклараций к практическим действиям сил обеспечения безопасности (МЧС России, МВД России), которые рассчитывают свои ресурсы исходя из степени риска.

Анализ положений фактически утратившей силу КОБ позволил проследить следующую причинно-следственную иерархию: опасности (объективные свойства) и негативные социальные факторы (аналог вызовов) порождают риски (вероятностные параметры), которые, если их не устранить, трансформируются в конкретные угрозы, требующие реагирования сил обеспечения общественной безопасности. При этом понятие «*риск*» выполняет ключевую инструментальную функцию, связывая статичное описание угроз с динамичным процессом управления ими (снижения, минимизации, предотвращения).

Для нового документа стратегического планирования в сфере общественной безопасности предлагается внедрение четырехзвенной модели, основанной на стадийном развитии деструктивных процессов: «*вызов – опасность – риск – угроза*». Рассмотрим данную модель на конкретном сквозном примере с определением понятия для каждой из рассматриваемых стадий.

Этап 1. Вызов – совокупность факторов и тенденций, возникающих как следствие объективных процессов (техногенных, социальных, природных), которые потенциально способны инициировать дестабилизацию общественного порядка. *Пример 1: в зарубежных средствах массовой информации фиксируются сообщения о новой тактике действий террористических групп, ориентированной на использование малой авиации (беспилотных летательных аппаратов) для атак на объекты транспортной инфраструктуры. Прямых данных о подготовке подобных актов на территории Российской Федерации не имеется.*

Мероприятия этапа 1: фиксация вызова позволяет начать *мониторинг и прогнозирование*.

Этап 2. Опасность – объективно существующая, но не фатальная возможность негативного воздействия на общественную безопасность, исходящая от идентифицированного источника, при которой параметры воздействия не превышают пороговых значений. *Пример 2: сотрудниками Федеральной службы безопасности Российской Федерации выявлен факт незаконного ввоза на территорию региона нескольких промышленных дронов, способных нести полезную нагрузку. Получатель установлен, однако его связи с террористическими организациями документально не подтверждены. Закупка квалифицируется как нарушение таможенных правил.*

Мероприятия этапа 2: переход от наблюдения к планированию превентивных мер.

Этап 3. Риск – мера возможной опасности, характеризующаяся количественными и качественными параметрами (вероятность наступления и тяжесть последствий). Риск является управляемой стадией, на которой возможно применение механизмов минимизации. *Пример 3: аналитическим подразделением Национального антитеррористического комитета произведена оценка вероятности применения данных дронов для атаки на железнодорожный вокзал областного центра (исходя из траектории перемещения подозреваемых и наличия у них навыков пилотирования). Рассчитаны возможные потери и материальный ущерб.*

Мероприятия этапа 3: основание для расчета сил и средств, планирования бюджетных ассигнований.

Этап 4. Угроза – непосредственная и реальная возможность нанесения ущерба общественной безопасности, требующая принятия немедленных мер по нейтрализации. *Пример 4: получена оперативная информация о выдвигении группы лиц в район железнодорожного вокзала с заряженным дроном. Зафиксирована попытка подъема дрона в воздух в непосредственной близости от путей прибытия пассажирских поездов.*

Мероприятия этапа 4: юридический факт для введения специальных режимов (чрезвычайной ситуации, контртеррористической операции, особых условий службы).

Учитывая вышесказанное, в целях совершенствования понятийно-категориального аппарата общественной безопасности авторы считают целесообразным при разработке документа стратегического планирования в сфере обеспечения общественной безопасности включить в раздел «Основные понятия» следующие дефиниции, подчеркнув их взаимосвязь:

– *вызов общественной безопасности* – совокупность объективных или прогнозируемых обстоятельств, процессов и явлений, возникающих в социальной,

техногенной или природной сферах, способных при определенных условиях привести к возникновению опасностей, рисков и угроз общественной безопасности;

– *опасность в сфере общественной безопасности* – состояние, характеризующееся наличием идентифицированных источников деструктивного воздействия, при котором параметры такого воздействия не превышают пороговых значений, но создают условия для дестабилизации обстановки;

– *риск в сфере общественной безопасности* – количественно-качественная мера возможной реализации опасности, включающая вероятность наступления события и тяжесть его последствий, управляемая посредством применения превентивных правовых, организационных и материально-технических мер;

– *угроза общественной безопасности* – совокупность условий и факторов, создающих непосредственную и реальную опасность причинения вреда жизни, здоровью, имуществу граждан, общественному порядку и общественной безопасности, требующая применения экстраординарных мер реагирования, включая введение специальных правовых режимов.

V. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное в настоящей статье исследование категории «угроза общественной безопасности» сквозь призму ее взаимосвязи с понятиями «вызов», «опасность» и «риск» позволяет сформулировать ряд теоретико-правовых выводов, имеющих значение как для развития доктрины, так и для совершенствования законодательства в сфере стратегического планирования.

Институциональный синтез понятий «вызов – опасность – риск – угроза» позволяет преодолеть фрагментарность действующего законодательства, которое, как было показано в ходе анализа ФЗ «О безопасности» и Стратегии-2021, использует данные категории бессистемно либо имплицитно, не раскрывая

их соотношения. Предлагаемая авторами модель этапов формирования угрозы общественной безопасности предполагает не просто механическое объединение рассмотренных смежных терминов, а их органичное встраивание в единую теоретико-правовую конструкцию, где каждое понятие занимает строго определенное место в логике эскалации деструктивного процесса и выполняет специфическую правовую функцию.

По нашему мнению, включение данной стадийной модели в новый документ стратегического планирования в сфере обеспечения общественной безопасности обеспечит:

1) преемственность с утратившей силу Концепцией общественной безопасности в Российской Федерации 2013 г., но на более высоком теоретическом уровне. Как показал анализ КОБ, в ней уже прослеживалась определенная иерархия рассматриваемых явлений. Предлагаемая модель не отвергает этот опыт, а развивает его, раскрывая логику, неявно существовавшую в КОБ, и восполняя пробелы (например, в отношении категории «вызов», которая в КОБ напрямую не использовалась, замещаясь понятиями «факторы» и «тенденции»). Это позволяет сохранить накопленный научный потенциал, придав ему более стройную и завершенную форму;

2) правовую определенность для правоприменителя (МВД России, ФСБ России, МЧС России) при выборе мер реагирования. Четкое нормативное закрепление стадий развития деструктивных процессов устраняет существующую в настоящее время неопределенность, когда один и тот же термин «угроза» может использоваться для описания явлений различной интенсивности. Это позволит исключить как запоздалое реагирование, так и неоправданное применение чрезмерных мер на ранних этапах;

3) эффективность планирования бюджетных и административных ресурсов

на ранних стадиях развития деструктивных процессов (на этапах вызова и опасности), а не только в момент наступления реальной угрозы. Современная практика, как было показано в ходе анализа, зачастую ориентирована на реагирование по факту возникновения угрозы, что требует экстренного привлечения значительных ресурсов и создает риск причинения невосполнимого ущерба. Стадийная модель позволяет сместить акцент на предупреждение. Юридическая фиксация стадий вызова и опасности создает основания для планового (а не экстренного) выделения бюджетных средств на мониторинг, прогнозирование и профилактические мероприятия. Это соответствует закрепленному в п. 4 ст. 2 ФЗ «О безопасности» принципу приоритета предупредительных мер и позволяет более рационально распределять административные и финансовые ресурсы, предотвращая развитие деструктивных процессов до стадии, требующей экстренного вмешательства, сопряженного со значительными затратами.

Таким образом, предлагаемый институциональный синтез понятий «вызов – опасность – риск – угроза» представляет собой не просто теоретическую конструкцию, а практически значимый инструмент совершенствования правового регулирования в сфере общественной безопасности. Его реализация в новом документе стратегического планирования позволит создать целостную, непротиворечивую и функциональную систему категорий, отвечающую как потребностям правоприменительной практики, так и стандартам защиты прав и свобод человека и гражданина. Дальнейшие исследования в этой области могут быть направлены на разработку методик количественной оценки параметров перехода от одной стадии к другой и на определение конкретных правовых механизмов реализации каждой из выделенных правовых функций.

Список литературы

1. Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седелника, Н. Федоровой. М. : Прогресс-Традиция, 2000. 383 с.
2. Гидденс Э. Последствия современности / пер. с англ. Г. К. Ольховикова, Д. А. Кибальчича, вступ. ст. Т. А. Дмитриева. М. : Праксис, 2011. 343 с.
3. Луман Н. Понятие риска / пер. с нем. А. Ф. Филиппова // Thesis. 1994. Вып. 5. С. 135–160.
4. Возжеников А. В., Герман И. Н. Национальная безопасность России: вызовы, опасности и угрозы: вопросы теории и практики. М. : Дело, 2015. 206 с.
5. Ирошников Д. В. Соотношение понятий «опасность», «угроза», «вызов» и «риск» в правовой доктрине, действующем законодательстве и документах стратегического планирования // Транспортное право и безопасность. 2017. № 12 (24). С. 96–103.
6. Кравчук А. А. Категории «вызов», «опасность», «угроза» в теории национальной безопасности // Вестник Забайкальского государственного университета. 2016. Т. 22, № 11. С. 65–74.
7. Гирько С. И. Общественная безопасность Российской Федерации: состояние и дальнейшие шаги развития // Административное право и процесс. 2023. № 8. С. 3–8. DOI: <https://doi.org/10.18572/2071-1166-2023-8-3-8>
8. Шеншин В. М. О теоретических подходах к проблеме обеспечения безопасности России // Теория государства и права. 2025. № 4 (46). С. 261–271. DOI: https://doi.org/10.47905/MATGIP_2025_4_46_261
9. Назаров В. П., Афиногенов Д. А. Стратегическое планирование в России: новый этап развития // Полис. Политические исследования. 2022. № 4. С. 32–46. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.04.04>
10. Кардашова И. Б. Тенденции правового регулирования в сфере национальной безопасности // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2021. № 1 (81). С. 51–59.
11. Кардашова И. Б. Векторы развития законодательства в сфере обеспечения национальной безопасности // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 11 (99). С. 41–49. DOI: <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2022.99.11.041-049>
12. Шехова Н. В., Портунова А. М. Моделирование системы категорий «вызов», «опасность», «угроза», «ущерб», «риск» на основе сопоставления и анализа их экономического содержания // Теоретическая экономика. 2023. № 7 (103). С. 86–97.
13. Феоничев А. Б., Мелешин К. Ю. Теоретико-методологические особенности анализа базовых понятий современной теории национальной безопасности // Управленческое консультирование. 2021. № 1 (145). С. 32–42. DOI: <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2021-1-32-42>
14. Сушкова И. А. Соотношение и взаимосвязь понятий «вызов», «опасность», «угроза», «риск» // Экономическая безопасность и качество. 2018. № 4 (33). С. 10–15.
15. Тихомиров Ю. А. Риск в праве: природа и причины // Право и современные государства. 2016. № 6. С. 9–19.
16. Гирько С. И. Реальные шаги к институализации общественной безопасности Российской Федерации // Научный портал МВД России. 2025. № 1 (69). С. 33–39.
17. Гирько С. И., Долгополов А. А. Актуальные вопросы национальной безопасности Российской Федерации // Транспортное право и безопасность. 2025. № 2 (54). С. 74–84.

References

1. Beck U. *Risk Society: Towards a New Modernity*. Moscow: Progress-Traditsiya Publ.; 2000. 383 p. (In Russ.)
2. Giddens A. *The Consequences of Modernity*. Moscow: Praksis Publ.; 2011. 343 p. (In Russ.)
3. Luhmann N. *Der Begriff Risiko*. Thesis. 1994;5:135-160. (In Russ.)
4. Vozzhenikov A. V., German I. N. *Russia's National Security: Challenges, Dangers and Threats: Issues of Theory and Practice*. Moscow: Delo Publ.; 2015. 206 p. (In Russ.)
5. Iroshnikov D. V. The Relationship Between the Concepts “Danger”, “Threat”, “Challenge” and “Risk” in Legal Doctrine, Legislation and Strategic Planning Documents. *Transportation Law and Security*. 2017;12:96-103. (In Russ.)
6. Kravchuk A. A. Categories “Challenge”, “Danger”, “Threat” in the National Security Theory. *Transbaikals State University Journal*. 2016;22(11):65-74. (In Russ.)
7. Girko S. I. Public Security in the Russian Federation: the Status and Further Development Steps. *Administrative Law and Procedure*. 2023;8:3-8. DOI: <https://doi.org/10.18572/2071-1166-2023-8-3-8> (In Russ.)
8. Shenshin V. M. On Theoretical Approaches to the Problem of Ensuring Russia's Security. *Theory of State and Law*. 2025;4:261-271. DOI: https://doi.org/10.47905/MATGIP_2025_4_46_261 (In Russ.)
9. Nazarov V. P., Afinogenov D. A. Strategic Planning in Russia: a New Stage of Development. *Polis. Political Studies*. 2022;4:32-46. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.04.04> (In Russ.)
10. Kardashova I. B. Trends in Legal Regulation in the Field of National Security. *Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation*. 2021;1:51-59. (In Russ.)
11. Kardashova I. B. Vectors of Development of Legislation in the Field of National Security. *Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2022;11:41-49. DOI: <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2022.99.11.041-049> (In Russ.)

12. Shekhova N. V., Portunova A. M. Modeling of System for Categories “Challenge”, “Danger”, “Threat”, “Damage”, “Risk” Based On Comparison and Analysis of Their Economic Content. *Theoretical Economics*. 2023;7:86-97. (In Russ.)
13. Feonichev A. B., Meleshin K. Yu. Theoretical and Methodological Features of the Analysis of the Basic Concepts of the Modern Theory of National Security. *Administrative Consulting*. 2021;1:32-42. DOI: <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2021-1-32-42> (In Russ.)
14. Sushkova I. A. Correlation of the Concepts “Challenge”, “Danger”, “Threat”, “Risk”. *Ekonomicheskaya bezopasnost' i kachestvo*. 2018;4:10-15. (In Russ.)
15. Tikhomirov Yu. A. Risk in Law: Nature and Causes. *Law and Modern States*. 2016;6:9-19. (In Russ.)
16. Girko S. I. Real Steps Towards Institutionalizing Public Security in the Russian Federation. *Scientific portal of the Russia Ministry of the Interior*. 2025;1:33-39. (In Russ.)
17. Girko S. I., Dolgoplov A. A. Current Issues of National Security of the Russian Federation. *Transportation Law and Security*. 2025;2:74-84. (In Russ.)

ВКЛАД АВТОРОВ

Ю. В. Анохин – концептуализация (постановка проблемы, разработка концепции статьи, эволюция общих исследовательских целей).

О. А. Колоткина – проведение исследования (вторая и третья части); администрирование хода выполнения научной статьи.

И. Д. Ягофарова – проведение исследования (четвертая часть); описание результатов; оформление выводов исследования.

CONTRIBUTIONS OF THE AUTHORS

Yu. V. Anokhin – conceptualization (problem formulation, development of the article’s concept, and formulation of the general research objectives).

O. A. Kolotkina – research (parts two and three); administration of the preparation of the scholarly article.

I. D. Yagofarova – research (part four); presentation of the results; formulation of the study’s conclusions.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Юрий Васильевич Анохин, профессор кафедры конституционного и международного права Алтайского государственного университета (пр. Ленина, 61, Барнаул, 656049, Российская Федерация), доктор юридических наук, профессор; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5051-2053>; e-mail: anohin1963@rambler.ru

Оксана Анатольевна Колоткина, доцент кафедры конкурентного права и антимонопольного регулирования Уральского государственного экономического университета (ул. 8 Марта / Народной Воли, 62/45, Екатеринбург, 620144, Российская Федерация), кандидат юридических наук, доцент; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2587-5378>; e-mail: okskolotkina@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS

Yuri V. Anokhin, Professor of the Department of Constitutional and International Law at the Altai State University (68 Lenin ave., Barnaul, 656049, Russian Federation), Doctor of Legal Sciences, Professor; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5051-2053>; e-mail: anohin1963@rambler.ru

Oksana A. Kolotkina, Associate Professor of the Department of Competition Law and Antimonopoly Regulation at the Ural State University of Economics (62/45 8 Marta/Narodnoy Voli str., Yekaterinburg, 620144, Russian Federation), Candidate of Legal Sciences, Associate Professor; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2587-5378>; e-mail: okskolotkina@yandex.ru

Инара Дамировна Ягофарова, доцент кафедры конкурентного права и антимонопольного регулирования Уральского государственного экономического университета (ул. 8 Марта / Народной Воли, 62/45, Екатеринбург, 620144, Российская Федерация), кандидат юридических наук, доцент; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8508-7920>; e-mail: vaina3@yandex.ru

Inara D. Yagofarova, Associate Professor of the Department of Competition Law and Antimonopoly Regulation at the Ural State University of Economics (8 Marta/Narodnoy Voli str., 62/45, Yekaterinburg, 620144, Russian Federation), Candidate of Legal Sciences, Associate Professor; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8508-7920>; e-mail: oks-kolotkina@yandex.ru

Поступила | Received
25.02.2026

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
04.04.2026

Принята к публикации | Accepted
04.04.2026